

УДК 821.161.1  
DOI 10.17223/18137083/54/13

**В. Н. Карпухина**

*Алтайский государственный университет*

### **Хронотопическая организация текстов новейшей детской литературы**

Рассматриваются тексты фантастических пьес М. А. Булгакова в качестве претекстов для «Детской книги» Б. Акунина. Предмет исследования – хронотопическая организация романа Б. Акунина, развертывающаяся в процессе выстраивания системы интертекстуальных связей текста. Основная цель статьи – определение хронотопических интертекстуальных маркеров, раскрывающих булгаковские претексты романа Б. Акунина. Формирование аксиологической составляющей текстов новейшей детской литературы рассматривается на базе уже существующего преинтертекста антиутопий и научно-фантастических текстов как российских, так и зарубежных авторов. Исследуются основные роли и хронотопические характеристики текста антиутопии – как традиционного, где Государству противостоит взрослый, играющий роль Ребенка, который нарушает установленные границы и запреты, так и современного, где в качестве главного героя, проходящего «антиутопический квест», может выступать ребенок с еще не сложившейся шкалой жизненных ценностей. Используемые в тексте Б. Акунина модели иного пространства-времени, в котором функционирует главный действующий персонаж, зачастую строятся по образцу хронотопических моделей фантастических пьес М. А. Булгакова и романа-антиутопии «Мы» Е. И. Замятина.

*Ключевые слова:* новейшая детская литература, аксиологическая шкала, хронотоп, Б. Акунин, М. А. Булгаков.

Новейшая детская литература рассматривается в статье как совокупность текстов, ориентированных не только на детскую, но и на взрослую аудиторию. Расширение целевой аудитории детских текстов стало наиболее заметным в период смены парадигмы модерна парадигмой постмодерна [Karpukhina, 2014]. С нашей точки зрения, именно реинтерпретации прецедентных текстов детской литературы [Веселые человечки, 2008; Детские чтения, 2013] положили начало изучению новейшей детской литературы на русском языке.

*Карпухина Виктория Николаевна* – доктор филологических наук, профессор кафедры германского языкознания и иностранных языков факультета массовых коммуникаций, филологии и политологии Алтайского государственного университета (ул. Димитрова, 66, Барнаул, 656049, Россия; vkarpuhina@yandex.ru)

ISSN 1813-7083. Сибирский филологический журнал. 2016. № 1  
© В. Н. Карпухина, 2016

Материал исследования – роман Бориса Акунина «Детская книга» (Акунин, 2007а; 2007б). В качестве объекта исследования в данной статье рассматриваются интертекстуальные отсылки романа. Предмет исследования – хромотопическая организация романа Б. Акунина, развертывающаяся в процессе выстраивания системы интертекстуальных связей текста. Цель статьи – определение хромотопических интертекстуальных маркеров, раскрывающих булгаковские претексты романа Б. Акунина.

Основным структурным принципом многих романов Бориса Акунина является принцип чередования глав с разной хронологической отнесенностью<sup>1</sup>. При этом история интересует Акунина не в варианте линейного представления чередующихся событий, а, как и Булгаков, в варианте определенного топоса, конструирующегося или реконструирующегося при временных изменениях. Для этой цели автор устами одного из центральных персонажей романа «Детская книга», профессора Ван Дорна, вводит в текст термин «хронодыра». Как объясняет Эрасту (Ластика) Фандорину профессор Ван Дорн, «“chronohole”, или “хронодыра”... это такой лаз, по которому можно попасть в другое время» (Акунин, 2007а, с. 65). В данном случае Б. Акунин со свойственной ему переводческой иронией реконструирует достаточно популярный в последнее время физический и синергетический термин *wormholes* (в русской традиции – *кротовые норы / кротовины*), обозначающий гипотетические туннели, в которых меняются свойствами пространство и время.

В предисловии к одноименному сборнику своих эссе («Кротовые норы») Джон Фаулз использует это словосочетание в том смысле, в котором оно употребляется в современной физике: «Оксфордский энциклопедический словарь толкует его так: “Гипотетические взаимосвязи между далеко отстоящими друг от друга областями пространства-времени”. Название показалось мне весьма подходящим, хотя бы метафорически, поскольку весьма сложное пространство-время, в котором я существую, пусть и очень далекое от современной физики, есть пространство-время моего собственного воображения. <...> Все серьезные писатели непрестанно ищут – каждый для себя – “кротовые норы”, которые могли бы связать их с иными областями, иными мирами» [Фаулз, 2002, с. 7].

Попадание Ластика в иное пространство-время связано с карнавализацией идеей искоренения Мирового Зла, выступающего в виде Запретного Плода (более подробно о мотиве розового алмаза «Райское Яблоко» как сквозном мотиве для дилогии «Детская книга» и «Детская книга для девочек» см.: [Десятов, Карпухина, 2014]). С нашей точки зрения, Акунина не интересует тема случайного, бесцельного путешествия в иные времена настолько, насколько она интересовала фантастов всех поколений. Даже в проекте «Жанры» акунинский роман «Фантастика» связан скорее с пародированием темы использования сверхспособностей человека (наибольший сарказм Акунина вызывает в данном случае повесть Сергея Абрамова «Выше Радуги» о спортивном легкоатлетическом даре, который получает обыкновенный школьник). В текстах советских и зарубежных фантастов чаще всего эксплуатируется сюжетная схема случайного попадания в иное пространство-время (ср. повести С. Абрамова «Стена», «Странник» (Абрамов, 1988), хронологические дежавю в иных топосах в разных текстах братьев Стругацких, классические версии «исправленной» и «неисправимой» случайностей в прошлом

---

<sup>1</sup> Ср. один из наиболее известных текстов XX в. с подобной структурой – роман М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита», в котором «ершалаимские» главы некоторыми исследователями рассматриваются в качестве снов мастера [Фарино, 2004], и рассмотрение пространства сна в романе-антиутопии в книге [Жолковский, 2014], где один из параграфов статьи «Замятин, Оруэлл и Хворобьев: о снах нового типа» озаглавлен «Антиутопия и “новосон”».

в рассказах Рэя Брэдбери «И грянул гром» и «О скитаньях вечных и о Земле» [Карпухина, 2007]).

Б. Акунин использует термин *chronoholes* в ситуациях попыток целенаправленного исправления «неудачной ветви» истории, зачастую представленных в ироническом ключе (ср. «реконструкцию» истории Григория Отрепьева как случайно попавшего в «хронодыру» советского пятиклассника Юрки Отрепьева из Киева (Акунин 2007б, с. 72–86)). Но целенаправленность попадания нужного персонажа в нужную эпоху, видимо, не дает возможности исправить определенное ответвление истории, хотя именно она отличает тексты Б. Акунина от текстов большинства писателей-фантастов.

Одним из наиболее вероятных претекстов для романа «Детская книга» служат фантастические пьесы М. А. Булгакова «Адам и Ева», «Блаженство» и текст, явившийся переработкой «Блаженства», – «Иван Васильевич»<sup>2</sup>. В них используется традиционное для модернистских текстов перемещение персонажей в иное пространство-время для определения аксиологических приоритетов персонажей или окружающего их социума. При этом собственно претекстом для акунинской книги является скорее версия «Ивана Васильевича», предложенная в качестве экранизации Л. Гайдаем, – «Иван Васильевич меняет профессию». Первые же страницы «Детской книги» задают весь набор ключевых предметов, с которыми сталкивается царь Иоанн Васильевич Грозный, по воле изобретателя Тимофеева попавший в современную Москву. Одновременно это предметы, создающие социально-коммуникативные проблемы для Ластика Фандорина и вызывающие гнев директора его школы Ивана Львовича по прозвищу Иван Грозный: не желающий выключаться магнитофон, играющий «блатную» музыку, и бутылка водки. Акунин доводит прототипическую ассоциацию до абсурда: в фильме Гайдаю в качестве «блатной» музыки, шокирующей, а потом привлекающей героя, выступает песня Владимира Высоцкого, в тексте «Детской книги» это пародия на современный «блатной шансон» (Акунин, 2007а, с. 26–27). Более того, знаком кинотекстов Гайдаю в тексте Акунина становится еще одна ситуация из трех испытаний, созданных для Ластика профессором Ван Дорном: Ластик сумел пройти мимо злой собаки во дворе, отвлекая ее внимание с помощью бутербродов, как и герой одной из более ранних гайдаевских комедий, «Операция “Б1”» (Там же, с. 16–19).

Эксплуатация достаточно известного сюжета о машине времени<sup>3</sup> необходима Булгакову в его пьесах для антиутопического разоблачения «блаженного будущего», в которое попадают советский инженер Рейн, управдом Святослав Бунша-Корецкий и проходимец Юрий Милославский («Блаженство»), или сатирического столкновения настоящего с прошлым, в котором оказываются инженер Тимофеев с управдомом Иваном Васильевичем Буншей-Корецким и «артист оперных театров», вор Жорж Милославский («Иван Васильевич»). При этом Ю. В. Бабичева, например, считает, что темпоральная семантика не настолько важна при толковании данных текстов. Сюжетный ход с машиной времени – только «знак, указывающий на выбор жанра» [Бабичева, 1988, с. 126], и на самом деле фантастическая диалогия – скорее пьесы сатирически-бытовые (ср. замечание М. О. Чудаковой о замысле «Блаженства» как пьесы, написанной «с полемическим запалом по отношению к пьесам Маяковского» [Чудакова, 1988, с. 393]). Смена временных планов при единстве локуса и с одними и теми же действующими

---

<sup>2</sup> В своем дневнике Е. С. Булгакова, например, отмечает: «30 ноября. Днем М. А. диктовал наброски для “Ивана Васильевича” (измененное “Блаженство”)» [Дневник Елены Булгаковой, 1990, с. 80].

<sup>3</sup> В англоязычной западной литературной традиции она восходит к романам Герберта Уэллса, а во франкоязычной – к роману Луи-Себастьяна Мерсье «Год 2440. Сон, которого, возможно, и не было».

щими персонажами булгаковского «Блаженства» иронически перекодируется Акуниным в названиях частей «Детской книги»: «Сегодня» – «Вчера» – «Позавчера» – «Завтра» – «Ура! Опять сегодня». Не случайно отсутствующий в булгаковском тексте временной срезу «позавчера» соотносится с основным историческим персонажем текста Булгакова – Иоанном Грозным. Ластика, попадающего через «хронодыру» в Смутное время, хотят объявить чудесно воскресшим отроком Димитрием Иоанновичем, сыном Ивана Грозного, по легенде убитым в Угличе.

Б. Акунин дает завуалированную подсказку для поиска претекстов «Детской книги» в вариантах фамилий, всплывающих в сознании Ластика вместо фамилии Шуйского: «...должно быть, тому самому Василию Ивановичу как его – Шаинскому, Шиловскому, что-то в этом роде...» (Акунин, 2007а, с. 235)<sup>4</sup>. Акунинская реконструкция исторических событий Смутного времени воспроизводится с точки зрения двух «прогрессоров поневоле» – попавших в прошлое через «хронодыры» бывшего пятиклассника из 1967 г. Юрки Отрепьева и шестиклассника из двухтысячных Эраста Фандорина, которые даже еще не знают, что происходит в ту эпоху, в которую они попали (в школе остановились только на «Рассказах по истории», Смутное время изучают в седьмом классе (Акунин, 2007б, с. 83))<sup>5</sup>. Аксиологические позиции двух персонажей-прогрессоров существенно различаются: Ластик становится пассивным просвещенным правителем, Юрка активно стремится преобразовать социум: «Я на Руси такое общество хочу построить – ого-го. Коммунизм, конечно, не получится, материально-техническая база слабая. А вот социализм можно попробовать. Кто не работает, тот не ест. Крепостных крестьян освободить – это первое. Мироедов всяких к ногтю. Построили же отдельные народы Африки социализм прямо из феодализма, как только освободились от колонизаторов. Чем мы хуже? – Здесь Юрка сбился и с тревогой посмотрел на Ластика» (Там же, с. 82–83). «Идеологически верный» для 1960-х гг. дискурс Юрки подается с точки зрения Ластика как не всегда понятный и слишком политизированный (ср. выражения-маркеры *материально-техническая база, кто не работает, тот не ест, мироеды, отдельные народы Африки, освободиться от колонизаторов* и пр.). Так же остраивается в тексте «Блаженства» у Булгакова бюрократический дискурс управдома Бунши, воспринимающийся жителями будущего как непонятный и нелепый (ср. *позвольте, товарищ, у вас навести справочку; вы в каком профсоюзе состоите; вы куда взносы делаете; для прописки, а то ведь мы на балу веселимся непрописанные; считаю долгом предупредить; слышится в ваших словах какой-то уклон* и пр. (Булгаков, 1990, с. 396–407)).

Символом «выпадения из времени» в текстах Булгакова и Акунина служат постоянно исчезающие предметы, отвечающие за хронометраж: в «Блаженстве» и «Иване Васильевиче» это часы, которые крадет у всех присутствующих в настоящем и в прошлом Милославский, в «Детской книге» – унибук, компьютер с голосовым управлением, с помощью которого Ластик определяет эпоху, в которую он попал. Именно эти предметы служат прямо или косвенно спасению персонажей: Милославский, избавившись от украденных пальто, часов и папиросницы Михельсона, скрывается от милиции на летательном аппарате из будущего (Там же, с. 420–421); унибук спасает Ластика от пули, выпущенной ему в грудь, и позволяет попасть в ахроническое будущее (Акунин, 2007б, с. 264).

---

<sup>4</sup> Шиловская – фамилия Елены Сергеевны, третьей и самой известной из жен М. А. Булгакова.

<sup>5</sup> О теме прогрессоров и цитатах из романа «Трудно быть богом» Стругацких в тексте Акунина см. наблюдение В. В. Десятова [Десятов, Карпухина, 2014, с. 181].

Антиутопическая картина Москвы «20 мая никакого года» (Акунин, 2007б, с. 270) напоминает в пространственном отношении абсолютно пустой Ленинград после газовой атаки в пьесе Булгакова «Адам и Ева» (Булгаков, 1990, с. 344). Апокалиптический пейзаж полностью опустевшей Москвы, вызывающий ужас у Ластика Фандорина, сменяется его радостью при виде живого существа из будущего – Магдаитиро Ямададженкинс, «собранного» из профессора Магды Дженкинс, микробиолога, и доктора Итиро Ямады, специалиста по электронике (Акунин, 2007б, с. 293). Возможность обитания в мире совершенного будущего Ластик получает, когда его обрабатывают сияющим голубым лучом, уничтожающим всех микробов и все болезни из прошлого (Там же, с. 280, 284–285). В пьесе Булгакова «Адам и Ева» именно луч из аппарата, изобретенного академиком Ефросимовым, спасает несколько человек, и они выживают после катастрофы на Земле (ср. ситуацию, когда Ефросимов исцеляет лучом из своего аппарата ослепшего и обожженного летчика Дарагана, который мгновенно выздоравливает (Булгаков, 1990, с. 346)). Переосмысляя библейские сюжеты (Ефросимов как Христос, становящийся потом новым Адамом для Евы вместо ее мужа, Адама Красовского), Булгаков предлагает собственный вариант антиутопии в постапокалиптическом мире. Отчасти эта антиутопия перекликается с антиутопией Е. И. Замятина «Мы» (1920), отчасти воспроизводит универсальные черты любой антиутопии: «„Разумная“ организация общества диктует обязательное единомыслие его членов, то есть упразднение *privacy* и вообще уклонений от централизованного контроля. В частности – полное подавление всего непредсказуемого, уходящего корнями за психологические, временные или пространственные границы государства. <...> Центральный конфликт разворачивается между рядовым Героем и одним из правителей – Инквизитором – и дополняется внутренней противоречивостью каждого из них. Героем обычно является здравомыслящий мужчина, как правило, интеллектуальный функционер режима... Государство видит в нем Ребенка, за которым всячески присматривает» [Жолковский, 2014, с. 493]. Оставшийся в живых после всемирной катастрофы Адам Красовский становится такого рода бюрократическим правителем, академик Ефросимов, играющий роль Ребенка и «интеллектуального функционера режима», оказывается в оппозиции. То же происходит с Ластиком Фандориным, когда он попадает в идеальное ахроническое будущее, оказываясь в полной власти технократа Магдаитиро Ямададженкинс, одного из немногочисленных оставшихся в живых на Земле «наших»<sup>6</sup>.

Интересно отметить, что Б. Акунин дает одну из опосредованных отсылок к тексту пьес «Блаженство» и «Иван Васильевич», обозначая причину всемирной катастрофы: «– А как Москва превратилась в Зону? – В СЗ-284, – поправил Магдаитиро. – Ну, если коротко, началось все с того, что один “нормальный” человек сдал анализ крови, а еще от одного “нормального” человека ушла жена» (Акунин, 2007б, с. 289). Ср. начало 1-го действия в пьесе «Блаженство»: «Соседка (*войдя*). Софья Петровна! А Софья Петр... ах, нету ее? Товарищ Рейн, скажите вашей супруге, что в нашем кооперативе по второму талону селедки дают. <...> Рейн. Ничего не могу ей сказать, потому что она еще вчера вечером ушла. Соседка. А куда ж она пошла? Рейн. К любовнику. Соседка. Вот так так! Как же это вы говорите, к любовнику? Это к какому ж любовнику? Рейн. Кто его знает. Петр Иванович или Илья Петрович, я не помню. Знаю только, что он в серой шляпе и беспартийный» (Булгаков, 1990, с. 382); в пьесе «Иван Васильевич»: «Зинаида. Ты прости, что я тебе мешаю, но я должна сообщить тебе ужасное известие... Нет, не решаюсь... У меня сегодня в кафе свистнули перчатки. Так курьезно! Я их положила на столик и... я полюбила другого, Кока... Нет, не могу... <...> Ты по-

<sup>6</sup> См. указание В. В. Десятова на главу «У наших» в «Бесах» Ф. М. Достоевского как претекст «Детской книги» [Десятов, Карпухина, 2014, с. 180–181].

нимаешь меня? <...> Тимофеев. Ну, перчатки... Что перчатки? Зинаида. Да не перчатки, а я полюбила другого. Свершилось!.. <...> Тимофеев. Так... Зинаида. Однако это странно! Это в первый раз в жизни со мной. Ему сообщают, что жена ему изменила, ибо я действительно тебе изменила, а он – так! Даже как-то невежливо!» (Булгаков, 1990, с. 425). Комическая рассеянность ученого-изобретателя машины времени в подобных ситуациях – это, безусловно, сатирический штамп, используемый Булгаковым, однако она выполняет еще одну функцию: она роднит изобретателей с не испытывающими эмоций «жителями будущего» (в тексте Булгакова это Радаманов, в тексте Акунина – Магдаитиро Ямададженкинс).

Невписанность в локус иерархической бюрократической машины Государства маркируется с помощью забывания имени/адреса субъекта-Героя антиутопии. Ср. поведение Ефросимова, вызывающее недоумение окружающих: «Ефросимов. Позвольте мне представиться. Моя фамилия... гм... Александр Ипполитович... А фамилию я забыл! Адам. Забыли свою фамилию? Ефросимов. Ах, господи! Это ужасно!.. Как же, черт, фамилия? Известная фамилия. На эр... на эр... Позвольте: цианбром... фенил-ди-хлор-арсин... Ефросимов! Да. Вот какая фамилия. Ефросимов» (Там же, с. 330); «Дараган. А вы где, профессор, живете? Ефросимов. Я живу... ну, словом, номер шестнадцатый... Коричневый дом... Виноват... (Вынимает записную книжку). Ага... Вот. Улица Жуковского... Нет... С этим надо бороться... Дараган. Только что переехали? Ефросимов. Да нет, третий год живу. Забыл, понимаете ли, название улицы...»<sup>7</sup> (Там же, с. 336). Ластик Фандорин не может четко определить свою временную отнесенность в прошлом: «– Ты из какого года? – Из 7113-го, то есть из 1914-го, то есть из 2006-го, – запутался Ластик и, чтобы не углубляться, поскорей снова спросил: – Где я? Это Москва или не Москва?» (Акунин, 2007б, с. 282).

При этом субъект, играющий роль правителя будущего, абсолютно точно определяет свои аксиологические приоритеты по отношению к «чужому» и признает совершенным только свой топос: «Адам. Мы уже начали воздвигать светлые здания, мы шли вверх! Вот... вот близко... вершина... И они увидели, что из этих зданий глянула на них смерть! Тогда в один миг буквально был стерт с лица земли Ленинград! Да и, быть может, не он один!.. И вот, когда Дараган... легит, чтобы биться с опасной гадиной, изменник, анархист, неграмотный политический мечтатель предательски уничтожает оружие защиты, которому нет цены! <...> Это – высшая мера!» («Адам и Ева») (Булгаков, 1990, с. 365); «Рейн. Позвольте! Я человек иной эпохи. Я прошу отпустить меня, я ваш случайный гость. Радаманов. Дорогой мой! Я безумцем назвал бы того, кто бы это сделал! И никакая эпоха не отпустила бы вас, и не отпустит. Поверьте мне! Рейн. Я не понимаю, зачем вам понадобилась эта машина? Радаманов. Вы не понимаете? Не верится мне. Вы не производите впечатления неразвитого человека. <...> Вы представляете себе, какую пользу мы принесем, как только проникнем в иные времена? Ваша машина бьет на четырехста лет, вы говорите?... Рейн. Я понял. Я пленник. Вы не отпустите меня» («Блаженство») (Там же, с. 411–412); «– Нет, я не пошутил! Помогите мне вернуться обратно! – Ластик вскочил на ноги... Брови Магдаитиро чуть-чуть приподнялись. – Я удивлено. Я безмерно удивлено. Давно уже я так не удивлялось. Может быть, ты глупый? – Оно тоже встало, протянуло руку, поводило у Ластика над макушкой. – Нет, для твоего возраста и образования ты совсем не глуп. Неужели ты не понимаешь, как тебе повезло? <...> Подумай: ты будешь жить вечно. Ты станешь нашим, 747-м. Все наши та-ак обрадуются» (Акунин, 2007б, с. 304). Антиутопический конфликт «Детскости

---

<sup>7</sup> Ср. адрес Е. И. Замятина в Ленинграде из записной книжки Булгакова: «ул. Жуковского, д. 29, кв. 16» [Ерыкалова, 1990, с. 660], почти точно повторяющий адрес Ефросимова.

и Взрослости» [Жолковский, 2014, с. 493] в рассматриваемых текстах завершается бегством героев из «лучшего топоса», хотя одной из прототипических версий завершения «квеста» иногда оказывается физическая или духовная гибель героя или его друга (ср. романы Е. И. Замятина «Мы» и Р. Брэдбери «451 по Фаренгейту»).

Делая персонажем антиутопического фрагмента «Детской книги» ребенка, Б. Акунин следует мысли Достоевского о том, что «ребенок донравствен, он, по выражению Достоевского, яблока еще не съел, добра и зла не различает, потому-то он абсолютно добр и абсолютно зол одновременно – immoralен. В XX веке у некоторых западных писателей эта трактовка часто заостряется в сторону антиморальности детства: двусмысленность снова сменяется однозначностью, но уже противоположного свойства» [Эпштейн, 2015, с. 128]. Данное утверждение достаточно спорно, но те ситуации, в которых оказываются персонажи новейшей детской литературы, призваны показать их еще только формирующуюся аксиологическую шкалу, в том числе и относительно других координат пространства-времени, в которые их помещают авторы (ср. [Johnston, 2006; Воронина, 2013; Черняк, 2013]). С другой стороны, освоение иномирного пространства или времени для ребенка (или героя, выполняющего роль Ребенка в Государстве) может представляться гораздо более естественным, в отличие от полностью «локализованного» в определенном топосе взрослого. «Сами дети постоянно ощущают потерю и дробление своей цельности, раздвижение и враждебность пространства, раньше любовно их облекавшего. Ребенок постоянно покидает обжитый им накануне мир и переселяется в другой» [Эпштейн, 2015, с. 147]. Именно поэтому освоение «чужого» пространства-времени (через «хронодыру», с помощью «сонолета», как у персонажей дилогии «Детская книга», «Детская книга для девочек») происходит намного эффективнее и способствует формированию ценностной шкалы персонажей новейшей детской литературы. Безусловно, система интертекстуальных отсылок, явных и опосредованных, к текстам утопий, антиутопий и широкому кругу научно-фантастической литературы, которая представлена в тексте «Детской книги» Б. Акунина, ориентирована скорее на взрослого читателя и указывает на смену или расширение целевой аудитории новейшей детской литературы.

### Список литературы

- Бабичева Ю. В.* Фантастическая дилогия М. Булгакова («Блаженство» и «Иван Васильевич») // М. А. Булгаков-драматург и художественная культура его времени: Сб. ст. М., 1988. С. 125–139.
- Веселые человечки: Культурные герои советского детства: Сб. ст. / Сост. и ред. И. Кукулин, М. Липовецкий, М. Майофис. М., 2008.
- Воронина Т.* Метафоры пространства и его освоения в дискурсе авторов фантастикн-текстов // Детские чтения. 2013. № 2. С. 106–111.
- Десятов В. В., Карпухина В. Н.* Что такое хорошо и что такое плохо? О философских романах Бориса Акунина и Глории Му «Детская книга», «Детская книга для девочек» // Сибирский филологический журнал. 2014. № 1. С. 178–185.
- Детские чтения. 2013. № 2.
- Дневник Елены Булгаковой / Сост., текстол. подгот. и коммент. В. Лосева, Л. Яновской; Вступ. ст. Л. Яновской; Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина. М., 1990. (Из рукописного наследия).
- Ерыкалова И. Е.* Комментарии // Булгаков М. А. Собр. соч.: В 5 т. Т. 3: Пьесы / Сост. А. Нинова; Статья-послел. А. Смелянского; Подгот. текста и коммент. В. Гудковой, И. Ерыкаловой, Е. Кухта и др. М., 1990.
- Жолковский А. К.* Поэтика за чайным столом и другие разборы: Сб. ст. М., 2014.

- Карпухина В. Н.* Способы передачи элементов интертекста при переводе // Художественный текст: варианты интерпретации: Тр. XII Всерос. науч.-практ. конф.: В 2 ч. Ч. 1. Бийск, 2007. С. 286–291.
- Фарино Е.* Введение в литературоведение: Учеб. пособие. СПб., 2004.
- Фаулз Дж.* Кротовые норы. М., 2002.
- Черняк М.* Эффект узнавания реальности в современной прозе для переходного возраста // Детские чтения. 2013. № 2. С. 136–151.
- Чудакова М. О.* Жизнеописание Михаила Булгакова. М., 1988.
- Эштейн М.* Ирония идеала: парадоксы русской литературы. М., 2015.
- Johnston R. R.* Childhood: A narrative chronotope // *Children's Literature: Critical Concepts in Literary and Cultural Studies* / Ed. by P. Hunt. Vol. 3: Cultural Contexts. London; New York, 2006. P. 46–68.
- Карпухина В. Н.* The linguistic reality and the contemporary aspects of its studies during the scientific paradigms turn // *Speech and Context Intern. Journal of Linguistics, Semiotics and Literary Science.* 2014. Vol. I(IV). P. 15–20.

#### Список источников

- Абрамов С.* Избранное. М., 1988.
- Акунин Б.* Детская книга. Т. 1. М., 2007а.
- Акунин Б.* Детская книга. Т. 2. М., 2007б.
- Булгаков М. А.* Собрание сочинений: В 5 т. Т. 3: Пьесы / Сост. А. Нинова; Статья-послесл. А. Смелянского; Подгот. текста и коммент. В. Гудковой, И. Ерыкаловой, Е. Кухта и др. М., 1990.

V. N. Karpukhina

#### Chronotopical structure of the texts contemporary children's literature

The paper considers the texts of the fantastic plays by M.A. Bulgakov as pre-texts for the «Children's Book» by Boris Akunin. The subject under consideration is the chronotopical construction of Boris Akunin's novel which unfolds in the process of building a system of intertextual links. The basic aim of the paper is to define the intertextual chronotopical markers revealing Mikhail Bulgakov's pretexts of the Boris Akunin's novel. The formation of the axiological text components of contemporary children's literature is investigated on the basis of the already existing pre-intertext of Russian and Western anti-utopias and science fiction. Study is made of the main anti-utopian roles and chronotopical characteristics of the text, both traditional one where the State is opposed by a grown-up, playing the role of a Child trespassing barriers and prohibitions, and the contemporary one, where the main character who passes the «anti-utopian quest» is a child with the dynamic axiological scale. The «other time-space» patterns used in Boris Akunin's text with the main functioning character exists are frequently construed on the pattern of chronotopical models in fantastic plays by Mikhail Bulgakov and in the anti-utopia «We» by Evgeny Zamyatin.

*Keywords:* contemporary children's literature, axiological scale, chronotope, Boris Akunin, Mikhail Bulgakov.

DOI 10.17223/18137083/54/13